

Живет в Москве (Россия). О себе: "Родился в подмосковном Ногинске, долгое время работал корреспондентом местного радио. Сейчас живу и работаю в Москве. Печатался в подмосковных газетах "Волхонка", "Богородские вести", в поэтических сборниках городов Черноголовка и Электроугли. В 2002 вышла книга стихов "Знакомые окна".

ТАМ

там у Зинки зарезал младшего старший брат,
а потом на гроб собирал по крохам весь дом.
там акация в парке, в сумерках аромат...
там и Китеж-город, Гоморра там и Содом.

там стоит аптека из красного кирпича,
там дорога, что снилась с детства мне раз пятьсот,
там под осень рубили сечкой тугой кочан,
там ходил я копать червей со своим отцом.

там земля прекрасна, что б на неё ни лилось,
кровь ли, слёзы, помои, ливни, вино, моча,
там когда-то за парком, в роще встречался лось,
там украли у Витьки спиннинг из «Москвича».

а теперь в стенах долгостроя дремлют бомжи,
парк зачах, в заброшенном тире пахнет говном
было время, я здесь грустил, мастерил, блажил,
вон покойный мой дед с другом пошёл в гастроном...

мне найти бы в берёзе ржавый загнутый штырь,
мне так нужен давно сгоревший дедов сарай
или камень за баней белый, как Алатырь –
будто эти вехи укажут дорогу в Рай.

ДНЕВНИК ПРОПАВШЕГО ЭНТОМОЛОГА

это такой мгновенный экзамен
с выжженными кислотой глазами,
с надвое раскушенной головой –
хруст джиу-джитсу в траве луговой.

тут миллионы различных тварей,
что не отыщешь и в «Аватаре»...
чёрный наездник с тончайшим копьём,
речь мотыльков: «не едим и не пьём»...

им не нужны ни счастье, ни горе...
чуда не ждут, с судьбою не спорят,
мёртвых не чтут, не знакомы с виной.
слышат всем телом и видят спиной.

это не фильм (не Финчер, не Форман) –
жёлто-синий изящный трансформер.
в сложности форм изошрённы цвета,
хвост, а на нём – два пунцовых хлыста...

сбиты сачком или кружат в стае –
не засмеются, не зарыдают.
златки, огнёвки, хрущи – до зимы –
тьмы их взлетят и осыплются – тьмы.

ВОДЯНОЙ ПИСТОЛЕТ

...А чего ещё надо – живи хоть сто лет,
как роскошная липа над жёлтым прудом.
Я под липой однажды нашёл пистолет,
водяной пистолет, разноцветный притом.

Странный символ убийства, дающего жизнь,
пули – это вода – нефролепис полью.
За окном тополиная крона дрожит,
облака ставят сценки про Смока Белью.

Не по мне тот расклад, лучше тихо когда...
Лучше Кантом спокойным и лучше – сто лет.
Только вот довелось мне поднять у пруда
водяной пистолет, водяной пистолет...

Я подумал, увидев как меркнет листва,
что в поэзии сила убойная есть.
Одному суждено умереть в сорок два,
а другому – положен предел в тридцать шесть.

Но не так однозначен в поэзии срок;
старый – грецкий орех, молодой – мандарин.
Ладно, рвётся под семьдесят кружево строк –
Гёте было за семьдесят, Гёте – творил!

Да чего ещё надо – живи, не тужи...
Заряжу я хрустальной водой ключевой
странный символ убийства, дающего жизнь,
впрочем... странного в символе нет ничего.

В мире разностей много случалось найти,
правда, больше гораздо пришлось потерять.
Солнце было в зените, спустилось в надир...
летний вечер; на скатерти хлеб и тетрадь.

[Страница автора в Сети](#)